

АНТРОПОЛОГИЯ

Ю. П. Шабает

Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст

УДК 008(1-6)

В работе анализируется культурное пространство Сыктывкара как городской текст. Автор показывает, что городской текст в столице Коми вторичен, а первичным является текст коми культуры.

Ключевые слова: город, текст, пространство, культура

Yu. P. Shabaev. Cultural area of the capital of the Komi Republic: a primary and secondary text

The article analyzes the cultural space of Syktyvkar as the city's text. The author shows that this text is secondary, but the main meaning has the text of komi culture.

Keywords: city, text, space, culture

Как замечает известный российский этнолог, академик В. А. Тишков, «в поле зрения социально-культурной антропологии находятся не только визуальные, но и воображаемые пространства» [16:289]. Город является именно тем объектом, где эти пространства находятся в сложном взаимодействии. В этой связи Бенджамин Коуп справедливо задался вопросом «откуда следует смотреть на изучение городских пространств» и продолжил этот вопрос тем, что определил такой точкой отсчета «теоретические размышления о взаимоотношениях между культурными мегасобытиями и локальными пространствами» [7:86]. Очевидно, что в нашем случае «мегасобытием» является не какой-либо исторический факт, а процессуальность – проживание этнической группы на территории, к которой исторически тяготеет город, а «локальное пространство» – это собственно пространство города.

Поскольку Усть-Сысольск/Сыктывкар находился в центре этнической территории коми и поныне окружен сельскими районами с преимущественно коми населением, постольку он не мог не притягивать это население, а оно, в свою очередь, не могло не влиять на культурный облик города. В восприятии коми Сыктывкар, действительно, является неким центром притяжения, «центром цивилизации». Более того, он в их картине мира есть естественный центр и *главный город*, а потому обычно они его просто называют «кар» – город. Другие города республики существуют как бы условно, а Сыктывкар – это «реальный» город, который включен в актуальное социальное пространство сельских коми. При этом, как отмечает специалист по топонимике коми А. Мусанов [10], существует некая пространственно-культурная ориентация, связанная с городом, которая свидетельствует о восприятии Сыктывкара как центра некоего символического пространства коми из южных и центральных районов РК. Стереотипная фраза сельских коми «Кытчö мунан? Карö» / рус. «Куда идёшь? В город (в Сыктывкар)» есть своеобразный пространственно-культурный код. Отсутствие в этой фразе названия города, в нашем случае Сыктывкара, воспринимается собеседниками как упоминание объекта, достаточно известного в силу его главенства на данной территории, популярности. В зависимости от расположения говорящего по отношению к реке (Сыsole или Вычегде), т. е. по течению или против течения, используются разные пространственно-ориентированные формулировки: «Кая карö» / рус. «Поднимаюсь в город (Сыктывкар)»; «Лэчча карö» / рус. «Спускаюсь в город (Сыктывкар)».

Характер восприятия города сельскими коми позволяет предположить, что у них должна существовать и фольклорная традиция, которая поэтизировала бы образ города, отражала тему города в различных фольклорных жанрах: песнях, сказках, сказаниях, пословицах и поговорках. Но, однако, в коми фольклоре не сложилось такого яркого идеализированного образа Усть-Сысольска, как, например, образ Риги в латышском фольклоре [11]. Не сформировалась и мифологическая основа городского текста, подобно тому, как в Перми в такую основу превратился чудской миф (а точнее – его интерпретации в местных интеллектуальных кругах) [4].

Более того у коми вообще не зафиксировано фольклорных текстов, которые были бы посвящены теме города. Это, очевидно, связано

с тем, что общее культурное пространство коми не было структурированным, а само этническое сообщество завершило процесс консолидации лишь в советскую эпоху. Вся территория, заселенная коми, воспринималась как отдаленная и однородная периферия, которая обрела концентрический характер лишь тогда, когда изменился ее статус.

Фольклорный материал, описывающий пространство города, очень ограничен. Дореволюционный Усть-Сысольск по сути представлял собой большое село, где все знали друг друга, и поэтому, вероятно, здесь не прижились прозвища жителей различных улиц и частей города, как это имело место, к примеру, в Архангельске, имеющем более глубокие урбанистические традиции [5:271–278]. Городская топонимика включала как официальные названия улиц, так и другие наименования: сохраняющиеся в народной памяти названия деревень, вошедших в состав Усть-Сысольска (Изкар, Котюнево, Одогрёзд и др.), простонародные наименования отдельных частей города: Подгорье, Солдатская слобода, Нижний конец. Среди топонимов очевидно выделялось название одной из окраин – *Париж*. Такое название она получила после того как сюда поселили пленных французов, сосланных в Усть-Сысольск после войны 1812 г. Заметим, что с началом первой мировой войны в Коми край были высланы подданные воюющих с Россией стран – Германии и Австро-Венгрии. Весной 1916 г. в Усть-Сысольск стали прибывать пленные офицеры и солдаты австрийской армии. Их численность достигала 500 человек только в г. Усть-Сысольске. В мае 1917 г. для них был устроен специальный лагерь под городом. В путеводителе «По Северу России», изданному в 1920 г., отмечается: «Устьсысольцы любят обратить внимание туриста на памятник на кладбище, так называемое ими "немецкое кладбище", в память об усопших германских и австро-венгерских военнопленных. Памятник довольно красив и служит хорошим украшением провинциального Усть-Сысольского кладбища» [17:36]. Но как само кладбище, так и память о пленных австрийцах быстро исчезли. Также не осталось следа от пребывания в городе поляков или от 20-летнего пребывания в Коми десятков тысяч болгарских лесозаготовителей, которые на выходные наезжали отдохнуть в Сыктывкар, где действовало болгарское консульство, откуда отправлялись авиарейсы в Варну и Софию.

Тем более показательно, что в городской мифологии не только прочно укоренилась память о французах, сосланных двести лет назад в Усть-Сысольск, но «парижская тема» используется для нового городского мифотворчества. Некоторые коренные горожане не прочь рассказать о том, что к рождению кого-то из их предков причастны пленные французы, а название «Париж» сегодня носят одно из городских кафе и небольшая гостиница. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. в Национальном музее открылась выставка с характерным названием «Мой Париж. Отечественная война 1812–1814 гг. в истории Усть-Сысольска». О тайнах и загадках в восприятии того или иного города как правило пишут журналисты, но некая иррациональность «парижской темы» для Сыктывкара прослеживается. Эта тема не связана только с «*genius loci*» (духом места), она обусловлена и стремлением к поэтизации городских пространств, и, вероятно, некой инерцией культурной периферии. «Почти три века образованная Россия говорила по-французски, а Париж был центром ее притяжения. Теперь, перейдя на английский, русские устремляются в Лондон и Нью-Йорк. А Париж стал городом, который «надо разок увидеть» [14:82], – пишут в журналах для путешественников. Но российская периферия все еще воспринимает Париж как некий культурный символ и готова использовать его имя в качестве культурного капитала, инструмента мифотворчества. В одной из современных песен о Сыктывкаре местечко Париж представляется как самое романтическое – лучшее место для свиданий.

Стоит заметить, что профессиональные композиторы написали несколько песен о городе. Началось их создание еще в 1930-е гг., а одна из песен («Сыктывкар») исполнялась народной артисткой СССР Людмилой Зыкиной и разучивалась в 1980-е гг. в школах. Тем не менее ни одна из песен не превратилась в гимн города и вообще не осталась в памяти горожан, не исполняется ныне ни профессиональными певцами, ни самодеятельными коллективами. Первый сборник стихов, посвященный столице Коми, был издан лишь в преддверии ее 230-летия. Конструирование локального текста вообще происходит несистемно: книг и альбомов, посвященных Сыктывкару, мало, и они выходят лишь к юбилейным датам, путеводители и открытки о столице республики давно не издаются (не говоря о видеофильмах), первая городская газета появилась лишь в 1980-е гг., альманах «Сыктыв-

кар» публикуется самодеятельным автором, воспитание в жителях местного патриотизма не является заботой городских культурных институтов. Первые открытки с видами Усть-Сысольска были отпечатаны в Великом Устюге в 1911–1913 гг. Вновь подобные открытки появляются лишь в конце 1950 – начале 1960-х гг., а всего к настоящему времени известно 14 комплектов таких открыток [6]. Данные факты есть косвенное свидетельство неустойчивости культурного символического пространства города и неосознанности в местных интеллектуальных кругах темы «всеобъемлющей "власти земли" над "большой историей" и судьбами земляков» [9:62].

Здесь сказывается также и система региональных приоритетов, в которых городской текст всегда был вторичен. Первичным был и остается текст коми культуры, а в последние оды и «финно-угорский текст» в целом, ибо в 1992 г. в Сыктывкаре по инициативе коми движения и региональных властей прошел первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, затем был создан федеральный финно-угорский центр, стали проводиться многочисленные культурные акции, которые вписаны в концепт «Финно-угорского мира» [19]. Не случайно, что праздник День города, идея которого возникла в 1980-е гг., первоначально существовал лишь как упоминание о дате выхода указа Екатерины II, даровавшей Усть-Сысольску статус города, а в 1994 г. его празднование было перенесено с зимы на лето и объединено с Днем России (12 июня). Городская составляющая праздника стала вторичной, как и весь культурный текст города.

Резкое расширение городской территории началось в 1960-е гг., когда приступили к строительству Сыктывкарского ЛПК. В эти годы до Сыктывкара была протянута железная дорога, стало осуществляться строительство автомобильных дорог с твердым покрытием, прочно соединивших город с прилегающими поселениями и районами. При этом, как и все советские города [13], Сыктывкар развивался неравномерно и между различными его микрорайонами существовала и существует значительная разница в развитии социальной инфраструктуры, уровне благоустройства. Поэтому в объявлениях об обмене жилья часто наличествовал пункт: «Эжву не предлагать» или «Орбиту не предлагать».

По характеру застройки выделяется исторический центр города, где жилье наиболее дорого и наиболее комфортно, и районы массовой

советской застройки с типовыми панельными многоэтажками, а также «районы-изгои», которые представляют собой практически самостоятельные поселения и резко контрастируют с другими районами по уровню благоустройства и состоянию жилого фонда. К последним в Сыктывкаре относятся район лесозавода, а также поселки Краснозатонский, Максаковка, Седкыркеш. В поселках, а также на окраинах исторической части Сыктывкара сохраняются значительные массивы частной застройки. В социальной географии города названные районы нередко представляются как криминогенные и неблагополучные.

Наряду с названиями поселков в городской топонимике сохранилось лишь несколько названий некогда примыкавших к городу деревень: Тентюково, Кируль, Кочпон, Давпон, Дырнос (старые названия частей города утрачены); которые дополнены сугубо советскими номинациями: 4-й микрорайон, микрорайон Орбита.

Визуальный образ города мало отличен от других российских городов. Преобладание типовой застройки делает город узнаваемым для приезжих, а отсутствие сколько-нибудь значительного массива исторической застройки еще более усиливает ощущение узнаваемости и похожести Сыктывкара на другие города. В данной связи следует согласиться с тем, что «глобализация по-советски приобрела невиданный размах в последние десятилетия советской истории. Ее конструирующей чертой являлась ужасающая и удручающая гомогенность, унифицированность повседневной жизни...» [18:20]. Эта унифицированность не могла не сказаться на восприятии города и его индивидуализированных образах, но она также опосредованно отразилась и в этнокультурном дискурсе. Данный дискурс в условиях города касается не только того, «в какой мере и как перемены, произошедшие с 1990 г., повлияли на категориальное неравенство – особенно этническое» [15:202], но также и этнизации публичного пространства республики в целом и ее городов – в частности. С самого начала 1990-х гг. на съездах коми народа и городских конференциях межрегиональной организации «Коми войтыр», в публичных выступлениях этнических активистов звучит призыв «придать национальный колорит столице Коми» [12]. В основном подобную идею поддерживают активисты этнокультурных организаций из числа гуманитарной интеллигенции, которые сами в подавляющем большинстве являются выходцами из коми сел. Тем самым они пытаются примирить свою ментальность

с космополитичным и унифицированным пространством большого города, сделать это пространство «своим». Подобные идеи и устремления есть своего рода форма «этнической макдональдизации». Сущностью макдональдизации по Ритцеру [10:497–506] изначально являлось развитие сетей быстрого питания (и вообще унификация служб сервиса в городе), для того, чтобы приезжий человек всегда и везде ощущал себя как дома.

Если в крупных городах Западной Европы и северной Америки этничность в городе проявляет себя как локальное явление и выражается в формировании гетто, этнических кварталов [1; 2] или в распределении бизнес-сфер между этническими общинами [15], то в России формы презентации этничности в городе несколько иные. В Российской Федерации взаимодействие между этническими общинами пытаются сделать не просто *визуально осязаемым*, но *актуально осязаемым*, поскольку этнически маркируется не столько собственное культурное пространство, сколько общее пространство местного социума. Борьба за символическое визуальное пространство города есть одна из форм борьбы за сохранение культурной отличительности групп, которые в системе советской/российской этнической иерархии нередко называются «коренными народами». Этничность в российских городах, являющихся столицами «национальных республик», часто представляют неким универсальным способом маркирования стандартизированной городской среды. Главная идея сторонников этой идеи состоит в этнизации всего *публичного пространства* города, поскольку частное культурное пространство стремительно деэтнизируется и унифицируется, равно как и семейный быт горожан.

Практической формой реализации идеи этнизации явились попытки украшать фасады домов, фонарные столбы, ограды «национальным орнаментом» (чаще всего это не коми, а ненецкий орнамент). Этот декоративный прием не стал массовым, но, тем не менее, устойчиво тиражируется. Другим способом этнизации публичного пространства города является перевод названий улиц, официальных учреждений и фирм на коми язык. Ныне двуязычные таблички и вывески присутствуют повсеместно.

Следующей формой этнизации стали многочисленные съезды коми народа, татаро-башкирский съезды, украинский съезд, конфе-

ренции национально-культурных автономий и этнокультурных организаций, которые проводились и проводятся в городе.

Но презентация этничности не ограничивается декорированием зданий, появлением двуязычных названий или деятельностью этнокультурных организаций, а может иметь форму фольклорных фестивалей, выставок и т. д. Важное значение в этом процессе, по мнению некоторых этнических активистов и солидарных с ними чиновников, должны играть национальные праздники.

Поскольку реальных народных праздников в общественном быту почти не осталось, началось их конструирование. Первой подобной конструкцией стал праздник Шондыбан, который якобы был характерен для коми. Суть его сводилась в основном к выступлениям фольклорных коллективов (его еще называют «фестивалем народной культуры», «традиционным праздником»), накануне дня республики и к самой номинации (национальный коми праздник). Очевидно, что в столице национальной республики этничность сознательно воспроизводится, актуализируется и манифестируется. Подобная практика имеет свою логику, поскольку «когда культурные различия регулярно воспроизводятся во взаимодействии между членами групп, социальные взаимоотношения обретают этнический элемент» [3:12].

Показательно также, что этнизация городского пространства в постсоветские годы имела не только официальное измерение, но и частное. Одним из его выражений стали объявления о найме жилья. Среди них довольно часто стали встречаться объявления следующего содержания: «хорошая русская семья снимет квартиру». Подобные объявления являются отражением неких символических границ, которые имеют место в городском сообществе. Эти границы в основном связаны с неприятием значительной частью населения инокультурных групп. Названное неприятие находит отражение в массовых настроениях, которые не только формируют символические границы, но и присутствуют в визуальном пространстве города в виде надписей на стенах домов и заборов, а порой и в виде листовок антисемитского, антикавказского и даже антирусского содержания [20:21–23].

Вообще же публичное информационное пространство города делится на приватное и корпоративное: частные объявления сосредоточены у подъездов жилых домов, на автобусных остановках, а корпоративное охватывает все пространство города. Визуальная среда, не-

смотря на попытки ее этнизации, более определяется языком рекламы, а не языком официальных вывесок. Язык рекламы – это функциональный язык, при этом язык рекламы, «существующий в рамках русского языка, обладает рядом признаков, которые трудно при переводе рекламных текстов перенести на другие этнические языки в силу национальной специфики единиц разных языковых и речевых установок» [8:469]. Языком рекламы в Сыктывкаре, по объективным причинам, является только русский язык. Само же содержание рекламы интернационально и космополитично, хотя и нередко «привязано» к городской среде («Автомобили Nissan от Комиавторесурса», «Доставка пиццы по классическим итальянским рецептам»).

Таким образом, культурное пространство Сыктывкара представляет собой сложный симбиоз местных, этнических, типизированных городских и транснациональных образов и номинаций, *в котором собственно городской текст оказывается вторичным.*

-
1. Cohen Abner (Ed.). Urban Ethnicity. London, 1974.
  2. Cross M. (Ed.) Ethnic Minorities and Industrial Change in Europe and North America. Cambridge, 1992.
  3. Eriksen Thomas. Ethnicity and Nationalism. Anthropological perspectives. London-Sterling, Virginia : Pluto Press, 1999.
  4. Абашев В. Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности / Архив ПРОМЕТА. 29.07.2001 : сайт. URL: [http // www.prometa.ru /projects /ecognito /1/copy_of_2p](http://www.prometa.ru/projects/ecognito/1/copy_of_2p)
  5. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
  6. Костромина К. Сыктывкар на открытках // Панорама столицы. 2012. 27 февр.
  7. Коуп Б. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12.
  8. Лейчик В. М. Язык рекламы в контексте глобализации и этнизации // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. 1.
  9. Московская Д. С. Биография местности в русской литературе // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О. А. Казина. М., 2010.

10. Мусанов А. Полевые материалы 1998–2010 гг.
11. Ритцер Дж. Макдональдизация, глобализация, американизация и новые средства потребления // *Современные социологические теории*. 5-е изд. СПб., 2002.
12. Розенбергс Я. Реальное и идеальное изображение Риги в латышских дайнах // *Балто-славянские исследования XV* : сборник научных трудов. М., 2002.
13. Сивкова Анна Особенности национального колорита обсуждали на конференции коми народа в Сыктывкаре : сайт. URL: www.finugor.ru/node/9419/28/10/2008/
14. Советский город: социальная структура. М., 1988.
15. Щербина Т. Панорама. Русский взгляд // *ГЕО*. 2004. № 3. С. 66–82.
16. Тилли Ч. Моя республика и твоя // *Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана*. М., 2005.
17. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
18. Томский И. И. По северу России. Сольвычегодск, 1920.
19. Усманова А. Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* : сборник научных статей. Саратов, 2007.
20. Шабаев Ю. П. Граффити и этнополитика // *Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. 2005. № 62. Июль–август.
21. Шабаев Ю. П. Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.